

ИГРА НА ВЫЛЕТ
ИГОРЬ КОХАНОВСКИЙ

Игорь Кохановский

Игра на вылет

«Пробел-2000»

2020

УДК 821.161.1-1 Кохановский
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5

Кохановский И. В.

Игра на вылет / И. В. Кохановский — «Пробел-2000», 2020

ISBN 978-5-98604-768-3

Игорь Кохановский – человек в своём роде легендарный. Родившись в Магадане, где его отец «морячок, делавший революцию» работал одно время в системе «Дальстроя», он вырос в Москве. В школьные годы играл в хоккей, тренируясь у знаменитого спортсмена Анатолия Тарасова; сидел за одной партией и дружил с Владимиром Высоцким, которого научил играть на гитаре и который посвятил ему 5 своих песен (самая известная – «Мой друг уехал в Магадан»); закончил МИСИ и работал прорабом – строил московский микрорайон Химки-Ховрино; сменив профессию инженера на журналиста, четыре года работал в газете «Магаданский комсомолец»; прославился как автор множества песен, исполненных и исполняемых звёздами советской и российской эстрады... Биография его так полна событий, что о ней невозможно поведать ни в коротенькой аннотации, ни даже в объёмном очерке... Но, кажется, Кохановский – один из тех, кто «от жизни никогда не устаёт»: чувства его живы, реакции на происходящее по-юношески свежи и непринуждённые. Его лирика с семидесятых годов до нынешнего времени являет пример непосредственности, естественности, даже разговорности, но за её простой и бытовой интонацией – огромный опыт и высокая культура стиха. Кохановский – один из славной плеяды московских городских лириков-семидесятников, с годами становящийся всё откровеннее, яснее и милосерднее. Такого собеседника сегодняшнему читателю остро не хватает. Поэмы Игоря Кохановского – отличный пример сопротивления казённости, пошлости, зверству; в них есть благородство, открытость, прицельная точность слова. Именно об этом свидетельствуют 15 поэм, вошедших в данный сборник.

УДК 821.161.1-1 Кохановский
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5

ISBN 978-5-98604-768-3

© Кохановский И. В., 2020

© Пробел-2000, 2020

Содержание

Наша связь	7
Замять памяти	13
На грани фола	28
Шофёр	34
Шуры-муры	43
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Игорь Васильевич Кохановский

Игра на вылет

*Светлой памяти Ирины Лемановой —
Лилит XXI века*

© «Пробел-2000», 2020
© Кохановский И.В., 2020

Наша связь

И.Л.

С вашим уходом из жизни
мне вспомнилась вдруг вся жизнь
в интимных сюжетах капризных,
таивших судьбы сюрприз.

Когда оглянёшься строго
на чувств промелькнувших разброс,
то видишь, что так немного
влюблённостей в прошлом сбылось.

Разовые интрижки,
как говорится, не в счёт,
ходок таких делишки
чувства не знали улёт...

Когда-то в юные годы
влюблённость была – мой код,
и этого кода аккорды
озвучивали полёт
юности, что парила
на крыльях, лёгких, как пух,
его потом память хранила,
внеся в греховный грессбух.

Сегодня, листая страницы
грессбуха безумства дней,
я, как сейчас, вижу лица
одно другого милей.

Я только в красавиц влюблялся,
всем прочим их предпочтя,
вкус флирта вкушая, как яства
вкушает уже не дитя.

Но почему-то влюблённость
вдруг таяла без следа
и уходила в ту область,
где новых встреч череда
звала в неизвестность страсти,
где близости новизна,
забыв про интрижек напасти,
шаманила, как весна.

Впервые меня влюблённость
накрыла, как моря волна,
даруя чувств окрылённость
и жаркие ночи без сна...

...У нас было целое лето,
и море, и Макопсе,
где наши два силуэта
сливались в соитья красе.

И вдруг разбежались под осень,
умытую грустью дождей...
Краса разбивалась оземь
обыденностью ночей...

А ведь, признаюсь честно,
знал, как озноб на ветру, —
если не будем мы вместе,
я тут же сразу умру.

Но всё обернулось лажей,
надоевшей душе моей...
Похожее не однажды
мне встретится в промельках дней...

...Потом был марьяж марокканки...
Друзья называли так
тебя за твой нрав хулиганки,
за смуглость и резкость до драк.

Давнишние печали...
Я был той ночью с другой,
но ты появилась случайно,
устроив мне мордобой.

Разодрала мне в ключья
свитер *крутой фирмы*...
После той памятной ночи,
конечно, расстались мы.

...Потом была прелесь-татарка,
взбалмошная, как бес,
яркая самка-дикарка,
до жути любившая секс.

Она была супермоделью.
В американском турне
престиж наш всего за неделю
поднялся с ней, как на волне.

В журнале «Америка» вскоре
был снимок: показ наших мод,
и к ней, как к богине в фаворе,
зевак сброд ликующий льнёт...

...Потом была фея степенства,
и в письмах на Колыму
она рисовала портрет свой —
девица грустит в терему.

И этой художницы милой
в письмах ко мне в Магадан
рисованный облик унылый
скрашивал те года.

...Потом в Магадане холодном
возникла из жарких Сочей
нравом капризным и гордым
женщина жадных ночей.

Но непонятная тайна
возникла на месте пустом
пропастью провинциальной —
несовпаденьем во всём.

...Потом появилась, как чудо,
как пламя не из искры,
и просто невесть откуда
милейшее диво Москвы,
похожая на Одри Хепбёрн,
и флирты ушли в запас,
и с ней свой последний номер
отыграл разбитной ловелас...

Теперь это всё далёко.
Влюблённостей череда
кажется шуткой рока,
коварною, как всегда.

Коварство в её мимолётности
и в краткости колдовства,
подсказанного влюблённости
взбрыками естества.

И всё же из нынешней дали,
как прошлое ни назови,
оно как само оправданье
безумств молодой крови.

Конечно, таким безумствам
недолгие дни суждены,
с извечною ноткой грустной
теперь они словно в тени...

Но всё это померкло разом,
словно сравненья боясь,
перед новой любовной связью —
такой была наша связь.

И прежние все мелодрамы,
раскрасившие мою жизнь,
забылись в момент, когда мы
с вами пересеклись...

Вы были столь утончённы
и столь изящны в любви,
что вмиг стали просто никчёмны
все прежние дивы мои.

Я словно впервые в жизни
нашёл то, что и не искал,
а встретил неожиданным сюрпризом,
сразившим меня наповал...

Как будто впервые женщина
от пяток и до ланит
открылась мне сутью вещью,
какой была только Лилит...

Как будто само совершенство
женщиной во плоти
открыло мне тайны блаженства
и горечи впереди...

Вам было всего лишь 20,
мне 39 лет...

Мы стали с вами встречаться...
Шальной нашей связи сюжет
жил сорок четыре года
и не слабел ни на миг,
словно любви природа,
чувств постоянный час пик
нам даровав когда-то,
поддерживала этот час
эмпатией, столь богатой,
что так сближала нас...

То ль мерещится, то ль завещано,
что за всю мою долгую жизнь
у меня была одна женщина,
это вы – рока главный приз...

Все другие когда-то романы —
словно чёрные дыры муры,
словно в молодости своей ранней
был в плену у пустой мишуры.

Только с вами узнал я ту радость,
что окрашивает серость дней
в краски, лёгкие, словно праздность,
и в ярчайшие, как юбилей.

Это вы, моя ненаглядная,
незабвенная счастья мадам
подарили мне...
Жизнь нескладную
свою
брошу к вашим ногам...

Сорок четыре года...
Вы так внезапно ушли
из жизни,
что кода ухода
печальная,
где-то вдали
всё длится, особо ночами,
когда, уняв слёз поток,
меня заточает отчаянье
в свой болевой уголок...

Я плакал почти две недели,
потом слёз иссяк запас,
но жуткое чувство потери
обворожительной вас
меня не отпустит, пожалуй,
и до скончания дней,
и неодолимая жалость
к вам
станет сутью моей...

И неудержимость стона,
что вырвется вдруг из груди,
да слеза навернётся невольно,
ёкнут болью, что не позади,
что и впредь эта боль мне скажет —

такие, как наши, года,
неутолимые жаждой
встреч,
быть могут лишь однажды,
повтор их не мыслим даже,
а память о них – навсегда...

15–16.08.2020

Замять памяти

Владимиру Высоцкому

*Снежная замять
дробится и колется...*

Сергей Есенин

Снегом не разжившийся январь
слякотью асфальт желает маять...
Я смотрю на новый календарь
и на дату, что запала в память.

Эта дата – и Татьянин день,
и рожденья моего дружочка,
да простят мне сантиментов тень
ради незабвенного Васёчка —
так со школы, в дружбе утвердись,
называли мы друг друга в шутку,
ибо стали запросто вась-вась
сразу и отнюдь не на минутку.

Проснулась задремавшая метель —
белая, шикающая замять,
и, былого вспомнив канитель,
на меня с улыбкой смотрит память.

С ней устрою нынче рандеву,
свидетельницей незабытой были,
и вновь увижу, словно наяву,
какими с другом мы когда-то были.

Промелькнувших, незабвенных лет
замять памяти отчаянно дробится
на всех тех, кого уж с нами нет,
словно колется, их воскрешая лица.

В день такой пристало вспоминать
только всё хорошее, вестимо.
Но не сходит что-то благодать
в душу... Почему – необъяснимо...

Видимо, уж больно далеко
время то, беспечное, как юность,
где жилось и думалось легко,

и где жизнь не мчалась, а тянулась
и таким манила впереди
замыслом, рисковым и туманным,
что теперь, когда всё позади,
замысел не выглядит обманом.

Вот опять в твой день рожденья, друг,
начинают все телеканалы,
впав как в недержания недуг,
восхваленья расточать обвалы.

В этот день ты – словно модный тренд,
ибо, как никто, ты современен —
в играх с властью твой эксперимент
оказался попросту бесценен.

Ты прости, но стал я не любить
посиделки эти в день рожденья,
где похвал уродливая прыть

вызывает только раздраженье,
а твои шедевры терпят крах,
перепев их – как шаблон безвкусья,
что царит на этих вечерах,
от чего невыносимо грустно...

Перепев тебя чреват всегда
сменой стиля, как канвы спектакля,
словно родниковая вода
кипячёной вытеснена нагло.

Да, тебя скопировать нельзя,
а переиграть – пусты старанья,
и смешны растроченные зря
голоса бескрылые страданья.

Просто особый тембр твой
и твоя алхимия актёра
завораживающей игрой
покоряют вмиг, без разговора.

И, когда народ покорный наш
втихаря на кухнях лишь хихикал,
ты вовсю смеялся, дерзкий шарж
выдав нам на затхлости улики.

Ты был хриплым голосом страны,
совестью её и забиякой,
не щадившим дело сатаны,

что давил сгущающимся мраком,
что зажал тебя в свои тиски
и терзал, как загнанного волка,
но ты лихо вышел за флажки,
егерей партийных сбивши с толка.

Твоего крутого бытия
ныне разбирают мелочовку,
случаи загульного питья
обходя достаточно неловко.

Вслух о том не говорят почти,
а намёком только, между строчек,
словно в некоем смысле взаперти
пребывал тогда мой друг Васёчек,
где под кайфом можно ни о чём
не грустить сознанием угасшим,
наслаждаясь властью параличом
разума, на время бесшабашным.

Понимаю, вспомнив наши дни,
что безалаберность, как зла приманка,
соблазнила как-то искони
шалого тебя, как шарлатанка.

Соблазнила, и ты сдался ей
на беду планиде и таланту,
чтобы стать заложником страстей,
ведущих жизнь к досрочному закату.

Что теперь об этом говорить,
ты ушёл внезапно – вспомнить страшно,
смерти проиграв свой способ жить
в личной с нею схватке рукопашной.

Ты актёр был и в быту играл,
где импровизировал успешно,
жизнь ввергая в шумный карнавал
на юру державы тьмы кромешной.

Твой азарт и притащил к беде,
к пропасти духовного коллапса,
привязав, как цепью, к наркоте,
с коей ты играл и доигрался.

Дыховичный, увидав людей,
вкруг тебя тогда мелькавших клипом,
бросил, что сей выводок чертей
к гибели тебя убойным клином

приведет однажды. Он был прав —
те, кому безвременье вручило
твой талант, сжимали, как удав,
жизнь твою, приблизив день кончины.

Ты стал ценить в приятельской гурьбе
лишь тех, с кем быть в гульбе весьма вольготно,
льстивая же преданность тебе —
пропуск в круг друзей – кому угодно...

Знаю тех, с кем ты тогда кружил
в компашке, незатейливой и тусклой,
где ты возвышался, как транжир,
и кумир, обласканный по-русски.

Ты там, как ни печально, пребывал,
где бред загула тешил, как бравада,
и своей судьбы беспутный бал
довести сумел-таки до ада.

Видимо, сознания поток
говорил тебе в часы прозренья,
как ты в этом мире одинок,
не сказав, где кроется спасенье.

Это одиночество твоё
мучило тебя как безысходность,
где лишь морфий – пропуск в забытьё —
тяжесть бытия менял на лёгкость.

Средь шестидесятников – изгой,
хоть поэты – лидеры эпохи —
расточали все наперебой
в адрес твой одни лишь «ахи»-«охи».

Но и тот, кто за твоих «волков»
пред тобою преклонил колени,
равным вновь признать был не готов,
хоть ценил талант твой как явление.

Время всех, как истины закон,
по местам расставило, как надо,
из кумиров канувших времён
нету никого с тобою рядом.

Ты один красуешься, как перст,
как сомнений наших вдохновитель,
как средь гор обычных Эверест
и как с мраком времени воитель.

И твоя «Охота на волков»
отражает наши дни зеркально,
а мишенью яростных стрелков
стал герой сегодняшней, реальный.

Выходил не раз он за флажки,
был слегка однажды даже ранен,
но бессильны перед ним стрелки,
ибо ловок этот умный парень.

...Есть одной гипотезы посыл:
если б жил поэт не так, как вышло,
он, наверно, бы не совершил
дела, предначертанного свыше.

У дилеммы сей ответа нет,
потому как видеть мы не можем,
что он сделал бы за смену лет,
в коих бы без плена пьянства прожил.

Всё пошло так, как пошло... Увы...
Но уж сколько лет после ухода
баловень успеха и любви
песнями живёт среди народа.

Мы с ним непохожим шли путём
каждый к заповедной своей цели,
и заботясь только об одном:
делать то, что делать мы умели.

Эти-то различные пути
нас, в конце концов, и отдалили,
а потом и развели почти
пагубных сует житейских вилы.

Один эксцесс меж нами промелькнул,
когда ещё дуэт наш не распался...
Конфликт растаял, как досадный гул,
но он достоин краткого рассказа.

Как-то раз один приятель мой
в НИИ каком-то на концерте тайном
услышал от тебя рассказ живой
и удивлён был им необычайно.

Ты что-то обо мне там говорил,
о песне моей с памятной судьбою,
и прежде, чем её спеть, объявил,

что к ней мотив придуман был тобою.

Я знал, что ты подспудно ревновал
меня к успеху песни моей главной,
чья популярность, как любви запал,
взорвавшись, разливалась, точно лава.

Помню – ну, и злость меня взяла! —
я позвонил, чтобы отбрить за это,
сказав в сердцах: «Васёк, что за дела?
Причём тут ты и моё “Бабье лето”?»

Ты залепетал: «Прости, Васёк!
Так получилось, видно, бес попутал,
порой и самому мне невдомёк,
что я несусь со сцены, пьяный будто.
На днях прислали из ВААПa мне
письмо, где среди списка моих песен,
есть и твоя. Чтоб мне не быть в говне,

давай махнём в ВААП сегодня вместе,
и при тебе я напишу вердикт,
что “Бабье лето” не моё, вестимо...»
Таким был мимолётный наш конфликт,
хотя моя досада объяснима.

Мы съездили в ВААП. Ты написал
на бланке сей внушительной конторы,
что песня не твоя.
Таков финал
почти что назревавшего раздора.

В дальнейшем эта подпись помогла
мне узаконить авторство на песню,
изъяв её из-под его крыла,
ибо концерт пластинкой стал известной.

А разошлись мы с ним, когда слегка
стал смотреть он на мои потуги,
не могу сказать, что свысока,
но как смотрят только на досуге.

За его привязанность ко мне
я прощал ему грехи-изъяны,
что вскрывались в трезвой тишине,
лихо укрываясь в нём по пьяни.

Он вроде был готов не напоказ
пожертвовать последнюю рубашку,

но лишь для того, чтоб в энный раз
изобразить житуху нараспашку.

Он мог наобещать вам сто пудов
того, о чём вы даже не просили,
на вас обрушив кучу красных слов,
чтоб только в сей миг выглядеть красиво.

Он подарить под настроенье мог
что-то, щедротою ошарашив,
а назавтра, подыскав предлог,
просил вернуть подарочек вчерашний.

Главным для него была игра
в дружбу, в буффонаду, в благородство,
прочее мелькало как мура,
вовсе не достойная потворства.

Он был как человек непрост весьма,
и с ним бывало часто неуютно,
когда он, как капризная зима —
то в оттепель уйдёт, то в холод лютый.

Да, он умел очаровать людей
мужской и бесшабашною манерой,
а что несимпатично было в ней,
неважно в наши дни уже, наверно.

Его бездомность – многих бед причал,
оставшийся в былом, но всё же, всё же...
Со временем талант его крепчал,
он постепенно чувствовать стал кожей,
что жжёт своими песнями сердца,
и это пламя всем необходимо
не то чтобы как слово мудреца,

но как вздох-выдох посреди *малины*
удушья непроглядного «совка»,
с которым он наладил было связи,
когда чья-то незримая рука
ему служила верно тайной *мазой*.

В нём был обыкновенный эгоизм
как запоздалое самосознание,
что он теперь для всех, как главный приз
за их обворожённое вниманье
к нему – кумиру миллионных масс,
представшему одною из отдушин
в эпоху, утвердившую маразм...

Такой эпохе бард-мессия нужен.

Была любовь к Марине – словно стон...
А их роман, как блеск его сюрпризов,
напоминал, как всё, что делал он,
игру с судьбой и ей же дерзкий вызов.

Мол, вот какая мне нужна жена —
кинозвезда, красотка, иностранка,
и пусть мне вся завидует страна,
ведь зависть – популярности изнанка,
где пересудов суетный искус,
как жареная притча во языцех,
и вся шумиха эта только в плюс,
в её соку так сладостно вариться...

Их связь необъяснима, как тайфун,
что набирает мощи постепенно
и переходит медленно в канун
взаимной вспышки чувственного плена.

Неистовым напором сражена —
в нём виделась его мужская сила,
и, как гитары чуткая струна,
она ему сдалась и полюбила.

Было что-то в их шальной любви
от порыва взбалмошного ветра,
что решает прихоти свои
в пику всем любим табу и вето.

Как же на свидание рвались,
как опустошались расставаньем,
словно всякий смысл теряла жизнь,
их разъединяя расстояньем...

Ты попросил однажды – сам не мог —
встретить в Шереметьеве Марину...
Едва она ступила на порог
(я и сегодня вижу ту картину),
вы бросились друг к другу, словно *хои*
преодолея вмиг нетерпенья кризис,
и вас обоих просто била дрожь,
заждавшуюся предвкушая близость.

И вам плевать, что кто-то рядом был,
вы попросту меня не замечали,
вас захлестнули враз азарт и пыл
страстей, что утоляли все печали.

Свидание звучало, как припев
песни, что благословлялась Богом...
От любви к Марине ошалев,
ты уж не был одиноким волком.

Ваша ослепительная связь
виделась не то что эпатажем,
но шумихой всё же взорвалась
в сереньком «совке» тогдашнем нашем.

Но параллельно быть ещё могли
интрижки или разовые *ходки*,
без коих ты – как лодка на мели,
ты не был никогда такую лодкой...

Матушка моя, журия порой
за то, что ты был вечный полуночник,
бывало, спросит шуткой озорной:
– Ну, как дела, шалун-многостаночник?

На что ты тоже шуткой отвечал,
мол, еле успеваю всем на зависть,
над песнями колдую по ночам,
тогда любовью уж не занимаюсь...

Покой тебе был попросту смешон,
ты был во всём безудержный трудяга,
и, несмотря на пакостность времён,
упрямо только вверх шёл шаг за шагом,
частенько недовольный, что посев
не те давал вдруг всходы ненароком...
Твой натянутый струною нерв
творчества
был жизни тайным роком.

Ты не зря не ставил ни гроша
времени, когда вдруг не случилось
рождение стихов, когда душа
вдохновенья не ловила радость.

...Любым страстям отмерен, видно, срок,
и ваши бесконечные разлуки,
в конце концов, приблизили итог —
брак треснул, не разъяв пока вам руки.

И стал, похоже, тяготиться ты
прекрасной вашей необычной связью,
а прежняя любовь до немоты

перекликалась с тайной неприязнью.

Менять судьбу не доставало сил,
ты волочил ваш брак, к нему привыкнув,
но сей союз тебе уж был не мил...
Уход твой – как безвыходности выкуп.

Слуга театра и заветных струн,
ты, как герой одной из своих песен,
был тоже *врун, болтун и хохотун*
и слыл таким, блудя и куролеся.

...Случились непростые времена,
когда мне помощь друга непреложно
ощущением плеча побыть должна —
иначе всё же узы дружбы ложны.

Я его плеча не ощутил,
или он бессилен был помочь мне,
но с тех пор надёжный дружбы тыл
стал, увы, иллюзией побочной.

Ну, а потом предлог *cherchez la femme*
вдруг влез наветом в наши отношенья,
чтобы идти за нами по пятам,
и этим углубляя отчужденье.

Исправить что-то – всё равно, что тут
метаться в выяснений паутине,
иль рядовой опровергать абсурд,
или уют искать на гильотине...

Вот так мы отдалились навсегда,
хотя пересекались вновь и часто,
да и к прежней связке сквозь года
ощущали всё же, что причастны.

Я понимаю, кажется, теперь,
причину, нас разведшую когда-то,
как одну из множества потерь,
в коей быть не может виноватых.

Просто дружба – молодости клон,
время шумных сходок и пирушек,
замыслов стремительный разгон
и мельканье ветреных подружек.

Вспомнился охотничий рассказ,
словно чтоб в сюжет добавить строчку,

ибо он был именно про нас:
большие лоси бродят в одиночку...

И когда мы встретились, считай,
за три года до твоей кончины,
радость этой встречи невзначай
огорчила лёгкая кручина.

...Майский праздник. В Красную Пахру,
а точнее, в дом творчества «Известий»,
по делам я в этот день махнул,
парканулся в отведённом месте,
рядом с «Мерседесом» —
я-то знал,
кто машины сей владелец знатный...
Тут как тут и ты, как будто ждал
нашей встречи, столь невероятной.

Мы обнялись.
– Ну, как дела, Васёк?
– Нормалёк. Ты как здесь?
– Да Марина приехала и на один денёк
зб город смотать уговорила.
Я сауну сейчас тут заказал.
Пойдёшь?
– А то, Васёчек! С наслаждением...

Той сауне я ставлю высший балл,
как нашему забытому общению.

Мы провели с тобой там шесть часов,
разговором наслаждаясь и паром,
не ведая, что промельки годов
не наградят нас вновь столь щедрым даром.

Как будто прежней дружбы ренессанс,
хотя, казалось бы, какая малость...
Кстати, был тогда один нюанс,
новую в тебе открывший странность.

Ты без умолку держал свой монолог
во множестве сюжетов, в разных лицах,
словно, в раж войдя, никак не мог
в этом кроссе фраз остановиться.

Внове это было наблюдать —
понял я, что ты, друг, не в порядке,
и заветной встречи благодать
грустью вдруг окрасилась украдкой.

Врач один поведал мне потом,
что в таком сплошном потоке речи
кроется опаснейший симптом —
мозга незаметное увечье.

И, увы, процесс необратим,
и его развитию нет блокады,
и ничто не может сладить с ним,
как с началом личности распада —
то расплата за былой гудёж,
за паденье в пагубное пьянство,
за больницы морок, где, как бомж,
к жизни возвращался ты лекарством.

Помнится твой в Магадан прилёт,
мы тогда всю ночь проговорили,
ты свои мне, а я в свой черёд
про свои тебе поведал были.

То есть был нормальный диалог
двух друзей, не видевшихся долго...
Тот же непрерывный слов поток
сбил меня тогда, конечно, с толка.

Ты с досадой злой поведал мне
про иезуитские запреты
на концерты, ставшие вполне
творческими встречами с поэтом.

Твоих фанатов пёстрая среда
рвалась услышать в те глухие годы,
когда гонений была череда,
стихи вольнонаёмника свободы.

За свободолобие твоё
как тебя клевало постоянно
пакостных зоилов вороньё,
и душили сук партийных кланы.

Но особо горькою была
история, ударившая сильно
по самолюбию, ибо «Купола» —
песня, что написана для фильма
друга закадычного – Митты, —
хороша донельзя и поныне...
Как же был разбит обидой ты,
что ей места не нашлось в картине.

Этого всего я знать не знал,
видя популярность, обожанье
и восторгов неуёмный шквал,
что тебя повсюду окружали.

Понял я, как стало нелегко
жить тебе в стране недозволений,
как недоуменье велико
у Марины от запретных рвений.

И ещё я понял, что у вас
отношенья близятся к разладу,
ибо выраженье её глаз
выдавало скрытую досаду —
прилетела на три дня всего,
а супруг на целый день исчезнул,
будто бы важнее для него
не она, а с другом парить чресла...

После незабытой встречи той
мы ушли на прежние орбиты,
и, вернувшись было к нам с тобой,
связь исчезла тихо, без обиды.

Каждый *гнал коней* своим путём
в плену безмолвья парадигмы ада,
чей извечно сонный окоём
пробуждался хрипотцою барда.

Промелькнувших лет калейдоскоп...
На былого переосмысленье
натолкнул досадный, как озноб,
дифирамбов хор в твой день рожденья.

Я приглушаю звук, чтоб сей шабаш
не делал из тебя персону хайпа...
Мне вскрыл вновь мир полузабытый наш
воспоминаний беспощадный скальпель.

И замять времени отчаянно слаба,
как вьюга снежная перед весной грядущей,
и песен заповедная судьба
окажется не раз вновь в самой гуще
дней наших, что слагаются в года,
сим ходом лет стремясь печально ранить ...

Мне память всколыхнула, как дуда,
январских дней бушующая замять...

Твоя жена, разбитая судьбой,
однажды, после твоего ухода
сказала, что контужена тобой
на все её оставшиеся годы.

Вновь слышу грустный – и не без причин —
Марины голос, боль её и муку:
«Тебе Господь бесценный дар вручил,
ты ж, как босяк, сей Божий дар профукал...»

Сказать могла такое лишь она,
спасавшая тебя не раз из ада,
и ей одной лишь ведома цена,
что предъявила жизнь с тобою рядом.

Её обиду можно объяснить,
а эту фразу бросила обида,
та, женская, когда любви их нить
измен узлами вся была увита.

Открылось это всё уже потом,
после кошмара твоего ухода,
ворвавшись в жизнь Марины, как погром,
как песни неудавшаяся кода.

Но фраза та лукава... Не секрет,
что, признанный всею страной буквально,
ты состоялся как большой поэт
и как актёр, во многом уникальный.

Да, это всё к тебе, мой друг, пришло,
когда тебя уж не было меж нами,
как будто духу времени назло
за то, что новый день – в былом корнями.

Ты мне в далёком прошлом посвятил
больше, чем кому-то, своих песен —
их ровно пять, как будто пять светил
заброшены тобою в поднебесье.

Не все они остались на слуху,
а парочка из них почти забыта,
но помню, что дало толчок стиху
и вдохновило чем перо пиита.

И пусть их спрятал времени туман,
зато звучит, как давних лет примета,
твой хит – «Мой друг уехал в Магадан»
и спетое тобою «Бабье лето»,

что по белой зависти к тебе
написал я в целях охмуряжа...
Песня в унисон тех дней гульбе
стала гимном у компашки нашей.

Репертуар твой, пролистав года,
смотрелся всё сложнее и интересней,
но в каждом из концертов навсегда
моей ты исключенье делал песне.

И её известность, и успех
связаны с тобой неотделимо,
ты ей обеспечил путь наверх —
в шлягер знаменитый и любимый.

Твой голос иногда мне душу рвёт,
саднит, как нарывающая рана,
как твой нелепо прерванный полёт,
как твой уход, случившийся так рано...

Досады шлейф влачится, словно весть
воспоминаний, коих молча множит...
Звучит, не умолкая, память-песнь,
звучит и смолкнуть попросту не может.

И, вторя ей, вдруг скажет имярек,
растроганный былого панорамой:
«Мы все тобой контужены навек,
и каждый – словно собственную драмой».

На грани фола

Иных судеб пересечение —
слепого случая игра —
не помнится через мгновенье
как недостойная мура.

Но небанальное начало,
красивое, как пируэт,
как будто смело обещало
им долговременный сюжет.

Она – милашка и уфимка,
он – сноб, москвич и ловелас...
Их встреча стала как заминка
с намёком призрачным на связь.

Она ему, шутя, призналась
в придуманной ею любви,
в стихах представив эту шалость,
не побывав с ним визави,
а лишь его услышав песни
и прочитав его стихи,
что были чуточку известней,
чем ловеласовы грехи.

Она держала скромный бизнес,
и сам Париж бывал готов
предоставлять ей даже в кризис
модели шляп любых сортов.

Владела кое-как французским,
ну, а Париж, как Мекку мод,
любила истинно, по-русски,
как вкуса высшего оплот.

Ещё она писала песни
и исполняла их сама,
они, без всякой лишней лести,
бывали недурны весьма.

На почве песен, между прочим,
знакомство их и началось,
прельщая замыслом порочным,
где секс таит свой наглый спрос...

Она – лихая бизнесвумен,

он – рифм слуга и бонвиван...
Их вечер был слегка безумен,
суливший бешеный роман.

Он пригласил её на ужин,
ну, а потом – к себе домой...
Она была ему послушна,
хоть видела его впервой.

...Рекой лилось киндзмараули...
Симпатий вспыхнувшая власть
велела, чтоб они нырнули
в соитья пагубную страсть...

Но не случилось. Их несходство
безумья снизило поток...
...Она играла в благородство,
а он был признанный ходок.

Она хотела светской дружбы,
бесед о таинстве стихов...
Ему другое было нужно —
альков, и без обиняков...

Он видел в ней шальную самку,
и не скрывал свой интерес,
и не хотел играть в обманку
и сразу вёл упрямо в секс.

Атака поцелуев долгих
склонила к близости почти...
Но спрятанное чувство долга
её заставило уйти.

Она была замужней дамой
с набором вычурных манер,
считая, что так сразу, прямо
нельзя бросаться в адюльтер.

И убеждала бонвивана,
что секс с ней нанесёт, ей-ей,
его душе такую рану,
что проклянет он близость с ней.

Его природное беспутство
тут возмутилось вихрем бурь...
Провинциальное занудство
его взбесило, словно дурь.

Он высмеять решил зануду
солёной шуткой площадной,
представ попутно на минуту
как греховодник записной.

Черкнул прикольное условие
ей на e-mail, почти картель:
«Ты дай мне справку о здоровье
пред тем, как лечь со мной в постель,
раз ты призналась мне невольно,
что мне от близости с тобой
невыносимо будет больно,
и я замучусь, как больной...»

Он ждал ответа, как обратку:
мол, и тебе бы, дуралей,
мне предоставить надо справку,
что со здоровьем всё о'кей...

На этот пас крутого стёба
он и рассчитывал в душе,
но победила просто злоба
на столь фривольном кураже.

Подначка крепкого посла
была не понята мадам,
ибо прикол на грани фола
был явно ей не по зубам.

Сегодня модно оскорбляться,
и вот уже прикольный стёб
стать может верхом святотатства,
как будто в каждом спрятан поп.

И вспыхнул гнев провинциалки
базарной склочностью словес
в безудержности перепалки,
словно в неё вселился бес.

Он попытался было ловко
стихами женский гнев унять,
но эта милая уловка
не повернула ссору вспять.

Она на грубость нарывалась,
несла такое, ё-моё,
такую гнусь, такую гадость,
что стыдно было за неё.

Ему, конечно, было жалко
её, глупышку, но потом
он понял, что пора на свалку
отправить этот весь дурдом.

Их эсэмэсками азартно
недолгий завершился бал...
Всё начиналось так занятно,
и так уродлив был финал.

Ведь зарекался не однажды:
с провинциалками – ни-ни,
они воспитаны неважно
и дурновкусию верны.

А вкусом обладать хорошим
во взглядах, навыках, во всём —
важней, нужней и даже больше,
чем обладать большим умом.

Провинциальные же нравы —
обычно скучный моветон,
заметный, словно оттиск травмы,
возникшей века испокон.

Превратно понимая блага,
они всегда держали курс,
как на огни универмага —
отнюдь не на высокий вкус.

Конечно, стёба дерзкий выпад
обидчив, груб, лукав и зол,
рисковый, как издёвки выверт,
но обалденный, как прикол,
увы, не оценённый дамой —
а зря! – прикол предполагал
не ссору в стиле мелодрамы,
а шанс ответа наповал...

Был пошлomu скандалу близок
мотив разрыва напрочь, вдрызг...
Лишь память бередил, как призрак,
как отблеск тайны одалисок,
её губ натиск и изыск...

Он не корил себя нисколько,
что вляпался, как в анекдот...
И всё ж в душе саднило горько
за столь нелепейший исход.

Его прикол был тем посылом,
что пустошь будней заполнял
и вывертом своим постылым
смирал тоски девятый вал.

Ему банально было скучно,
и, дабы скуку укротить,
он случай приспособил ушло
взбодрить самца святую пруть.

Хотя, коль уж признаться честно,
избыв корректности елей,
когда столь двое несовместны,
разрыв – чем раньше, тем верней.

Он мог свалиться в штопор секса,
их разделял один шажок
от жадной прихоти рефлекса,
но Бог, как видно, уберёт.

Да, уберёт от самоедства,
от неминуемой тоски,
когда душа взыскует средство
не распадаться на куски,
когда, как прежде, невозможно
возлюбленной в глаза смотреть,
когда двойной игры негожей
невыносима кривды клеть,
когда как будто смутно слышишь
укор единственной своей
и прочь бежишь по воле свыше
от самой гнусной из затей...

Похоже, есть промысел Божий,
он и спасает в миг, когда
в безвременье и в бездорожье
слепая близится беда;
он бережёт от искушенья,
смирят вождельня шквал,
готовый враз, без промедленья,
в секс броситься, как в карнавал;
он словно повернёт сознание,
на похоти поставив крест,
как будто чувствует заранее
заснувшей душеньки протест.

И вот свалившемся в штопор
даётся выход из пике,

чтобы блудливой плоти шёпот
уж не держал на поводке
и с грешною душою чтобы,
как с незабвенною зазной,
не оказаться в тупике.

Шофёр

*Конец 80-х,
шальные времена,
вся в дырах и заплатках
убогая страна...*

1

С лицом энтузиаста
нехоженных дорог,
он был из ловкой касты
шофёров чёрных «волг».
Его хозяин-барин
системы КГБ
был явно не бездарен
и в службе, и в гульбе.
Как истые жуиры,
всегда он про запас
имел две-три квартиры
с девицами на час.
И Вите как шофёру,
который это знал,
почти что без разбору
премное прощал.
«Витёк, – бывало, скажет, —
ты это... не того...»
Так, якобы, накажет
шофёра своего.
А Витя, между прочим,
насилу утром встал:
калымил до полночи
с вокзала на вокзал,
ну, а потом к подружке
свернул на огонёк,
а там – не до подушки...
Считай, едва прилёт.
И опытный Пал Палыч
(так шефа Витя звал)
всё, что случилось за ночь,
конечно, угадал.
Но так как сам был мастер
(как говорят, ходок)
по этой самой части,
то тут же и умолк.
К тому ж отметил позже

вчера «дорожный лист»,
чтоб Виктор мог подольше
поездить как таксист.
«Давай в ЦК. Там буду
часа, наверно, два.
А ты вздремни покуда,
дурная голова».
Повинно улыбаясь,
знал Виктор наперёд,
что, шефа дожидаясь,
он час-другой вздремнёт.
Ну а за этот отдых
прокатит с ветерком,
чтоб шеф на поворотах
взрывался матюшком.
Как шеф всеилью власти
с тоскою о вожде, был
Виктор предан страсти
к лихаческой езде.
Он словно просыпался
(а прежде – словно спал),
когда с бравадой аса
свою машину гнал.
Пьянея от амбиций
избранника судьбы,
себя он видел птицей
над ползаньем толпы.
Когда на «осевую»
въезжал, презрев табу,
заметив, торжествуя:
«Видал я вас в гробу»,
он аж светлел вельможей,
как выбившись в князья...
«Вот так, мне это – можно,
а вам того – нельзя!»
Порой небезобидно
запреты нарушал,
цедя: «Пошёл ты... быдло!» —
на чей-нибудь сигнал.
Его машину знали
сотрудники ГАИ
и даже козыряли —
давай, мол, здесь свои.
Вовсю лихачил парень,
минуя всякий раз
кровавый шанс аварий
как бесподобный ас.
Да если и однажды
случилось бы чего,

он знал, что шеф отмажет
и выручит его.
Шеф был мужик добряцкий,
но нужный интервал
держал и панибратства
с собой не допускал.
А Виктор, перед шефом
держась, как пред отцом,
считал себя при этом
доверенным лицом,
по-своему причастным
к тем людям, что вершат
делами государства,
как судьбами солдат.
Он млел от наслажденья,
когда любимый шеф
давал распоряженья,
на «сейку» посмотрев.
«Поедешь... Купишь... Встретишь...
Поможешь... Отвезёшь...
Отдашь... Возьмёшь... Заедешь...
Проводишь... Принесёшь...»

2

Нередко вечерами,
когда калымить лень,
с шофёрами-друзьями,
умаявшись за день,
любил, как балабошка,
поспорить ни о чём,
и, скинувшись по трёшке,
размяться портвешком.
– Ну, что твоё «Динамо»?
Пильгуй твой – ни в дугу...
– Да спорим, вашу маму,
что врежем «Спартаку»!
Так с часик о футболе
галдят наперебой.
Но, словно поневоле,
почти что сам собой
заходит о работе
нетрезвый разговор
и на весёлой ноте
хвалительный разбор
начальников, которых
приходится возить,

а в пьяных разговорах
ещё и возносить.

«Мой вечно после смены
припишет мне часок.

А тут на днях из Вены
рубашку приволок.

“Вот, – говорит мне, – хлопок,
синтетика – мура”.

Он что-нибудь из шмоток
всегда из-за бугра
везёт. Я благодарно
кручусь по мере сил».

– «А мой мне тут недавно
сто чеков отвалил.

«Езжай, – сказал, – в “Берёзку”,
купи чего-нибудь...»

Такой мужик – свой в доску
и не дурак гульнуть.

– «А мой всегда мне виски
и “Винстона” блочок.

“Учи, – твердит, – английский”,
Учу, как дурачок».

– «Нет, виски – это лажа.

Джин-тоник – это да!

И тоник с водкой даже
неплохо иногда».

Как на доске почётной,
светился каждый лик.

Но хмель разгорячённый
развязывал язык.

И вдруг один патлатый,
молчавший до поры:

«Да бросьте вы, ребята,
да все они воры,

как те воры в законе,
которые царят,

на нарах лёжа в зоне,
и только чифирят

да держат толковище

среди избранных блатных,
других держа за нищих

да за рабов своих.

Все их квартиры, дачи,
машины и чины,

они, всех нас дурача,
украли у страны.

Мы все для них – шестёрки,
нам с барского стола

объедки да ошмётки...
Моя бы власть была,
да я бы их, подонков,
давил, едрёна мать...»
Одёрнули негромко:
«Ну, хватит выступать».
(Немыслимо далёко
хмельной храбрец зашёл,
и мог бы выйти боком
ему такой прокол.)
Притихли. Промычали
затёртый анекдот,
скорей пройти не чая
опасный поворот.
«А ты чего, Серёга,
молчишь про своего?»
– «Да я совсем немного
пока возил его».
Серёгу-бедолагу
жалели все сейчас.
Попал он в передрагу —
напился как-то раз.
И после этой пьянки
(не вышло скрыть конфуз)
перевели с Лубянки
в писательский Союз.
И одного из штата
его секретарей,
тоскуя виновато,
теперь возил Сергей.
«Он чокнутый немного
и жадный, как шакал.
Под “банкой” всю дорогу,
в упор бы не видал».
– «А пишет что?»
– «Не знаю. Спросите у него.
Я книжек не читаю,
пока не до того.
Какие-то поэмы,
как будто про войну.
Его бы мне проблемы,
ему – мою вину...
Навара – никакого.
Попал я – как в тюрьму.
Так вышло бестолково...
Не дай Бог никому».
Участливо молчали,
мол, да, не дай, Бог, нам,
и от его печали

спешили по домам.
И каждый, так невинно,
подумал не впервой,
что жизнь его – малина
в сравнении с любой,
той, что в его отчизне,
бредущей в никуда,
под стать убогой тризне,
продлённой на года...

3

В коротком приказанье:
«На Чистые пруды!»
и в тених под глазами —
усталости следы.
(«К Татьяне... Что фигура,
что фейс – кругом беда...
Вот так, губа не дура
у шефа завсегда».)
«Сейчас семь тридцать. Значит,
заедешь к девяти.
Потом – меня на дачу,
а сам – крути-верти
часок-другой».
Чуть пьяный,
шеф аж зашёлся весь,
поняв, что у Татьяны
он свой оставил кейс.
Браня себя «балбесом»,
страхуясь от беды,
он Виктора за кейсом
на Чистые пруды
послал.
Бродя по даче,
твердил мать-перемать,
немало озадачен,
что мог так оплошать.

«Простите, шеф оставил
свой кейс и взять просил», —
не зная «светских» правил,
он явно скован был.
Она стояла рядом
и Витю словно жгла
дурманным ароматом
постельного тепла.

И, нехотя прикрывши
халатом наготу,
сказала еле слышно
ему, как в пустоту:
«Вы можете вернуться...
опять ко мне... потом?»
Он смог лишь улыбнуться,
ответив ей кивком.

«А может, лезу в петлю?
Но как бы шеф узнал?
Не видит же сквозь землю,
хотя и генерал?
К тому же баб – навалом,
бери хоть всех подряд,
и все за генералом,
как в очередь, стоят.
И Нинка, и Елена —
те тоже ничего,
и все попеременно
не чьи-то, а его.
Теперь, как говорится,
чуток повременим...
Не грех бы поделиться
бабцами и с другим
на ночь одну хотя бы...
Нет, в жизни не прошу,
когда такую бабу
сегодня упушу».

Нажал звонок, не веря
во всё, что впереди...
«Иди ко мне скорее...
Я ждалась... Иди...»

Наутро кофе пили
и слушали «Маяк»,
и вдруг заговорили
о шефе просто так.
«Он всем хорош, пожалуй
и в койке ничего.
Но мне... Мне просто мало
в неделю раз... всего.
А ты... Ты сильный вроде...
Ну, ладно, поспешай.
Звони, когда свободен,
звони и заезжай».

4

«Держи», – садясь в машину,
шеф протянул кулёк,
а в нём – бутылка джину
и тоника пяток.
– «Куда поедем?»
– «В Химки».
И Виктор вмиг смекнул:
«Сегодня, значит, к Нинке.
Ну, что ж, и мы – в загул».
Он позвонил Татьяне,
она сказала – ждёт...
«Пал Палыч, до свиданья,
сегодня мой черёд...»
А на другой неделе
Пал Палыч на рысях
(но и не без постели)
у Тани был в гостях.
И, зная нрав капризный
красавицы своей,
без всякой задней мысли
он бросил в шутку ей:
«Послушай-ка, Татьяна,
да ты ещё мала,
но вот уже с чинзано
на джин ты перешла...»
На что в ответ кокетка
спросила: «Ты не рад?»
И тут на этикетку
Пал Палыч бросил взгляд.
И странным показалось
то, что заметил глаз,
как будто бы встречалось
такое где-то раз.
Быть может, совпадение,
и в домыслах его
одно лишь подозренье
и больше ничего?
Но так бывает редко.
Неужто повелось
так клеить этикетки —
нарочно вкривь и вкось?
Да-да, сомнений нету...
Догадка – как обвал!..
На днях бутылку эту
он Вите покупал.

...Он чувствовал досаду,
как слышал нудный гул.
Назавтра дал команду —
мизинцем шевельнул.
Команда по цепочке
спустилась до ГАИ,
и Витю как-то ночью
за скорость засекли.
Он не остановился.
Вдогонку – патрули.
Догнали.
Он взбесился:
как так, когда – свои?..
И вскоре рапорт шефу
положен был на стол.
И шеф, как мастер блефа,
руками лишь развёл.
Тактично, аккуратно,
сославшись на закон,
сказал, что ход обратный
«телеге» этой он
не даст сейчас, коль скоро
берётся *новый курс...*

Переведут шофёра
в писательский Союз.
Там встретит он Серёгу
и вскоре вместе с ним
наладит понемногу
обычный свой калым
(но не такой, конечно,
что был в его руках),
жалея безутешно
о прежних временах.

Шуры-муры

У вас глаза вразлёт немного,
и эта дивная черта,
как ясность скрытого намёка,
что мне не светит ни черта.

Я, видно, зря засуетился...
Назад бы надо повернуть,
но я отчаянно пустился
в неведомый, рискованный путь.

Что ждёт меня на нём – не знаю,
и не хочу гадать пока...
Возможно и забвенья рая,
и вероятность тупика...

Гоню на лучшее надежду,
хотя о ней пекусь тайком...
Я словно оказался между
мечтой и тем, что есть *облом*...

Но пусть самой судьбы подсказка
реальности раскроет суть,
и пусть не думает фиаско
мой путь к вам, миссис, зачеркнуть...

2

Вы были, вероятно, с другом,
а я сидел, смотрел на вас,
и голова моя шла кругом,
и я твердил себе: «Атас,
куда ты лезешь, обалделый
и необузданный ходок!
Ей до тебя совсем нет дела,
твои старания не впрок.
К тебе же, видишь, ноль вниманья,
ты для неё и вправду ноль...
Нулю равны твои старанья...
Тебе нужна такая роль?»
Так разум мне твердил упрямо,
но с ним тут спорила душа,
готовая изведать драму

и даже сделать первый шаг,
то есть спросить ваш телефончик,
и, если вы не прочь, тогда
подумать можно и о прочем,
поскольку ваша красота
мне явно голову вскружила,
как не кружил никто давно,
и тянет к вам неудержимо...
Похоже, что мне суждено
за вами дальше волочиться
и добиваться хоть разок
увлечь вас, юная волчица,
в ту сказку, где матёрый волк
чего-то понял в жизни спешной
и передать хотел бы вам
изыск соитья – опыт грешный,
где радость с грустью пополам,
где радость – это миг свиданий,
а грусть – разлуки маята...
Да, каюсь, вами обладанье —
моя заветная мечта.

Предвижу, как в ночи меж нами
возникнет вождельня дрожь,
и ласк безумное цунами
покроет ваше тело сплошь...

Желаний сдавшись самовластью,
как наслаждений патриот
и как наперсник сладострастья,
войду в ваш заповедный грот...

И, захлебнувшись от блаженства,
от обольщенья ваших чар
красивейшего совершенства,
взалкаю их, как неба дар...

Сей дар пьянит сильнее джина,
он слаще самых сладких блюд,
он так влечёт неудержимо,
как похоти мятежный блуд.

И пригублю я вашу сладость,
как грешного подарка сласть,
даря вам наслажденья радость,
вкушая вашей стати власть.

И маршальский жезл моей страсти,
ваш ублажая тайный грот

и чуя ваше соучастье,
найдёт блаженство, как *улет*...

3

Мы с вами едва знакомы,
а я уже словно нырнул
в безумный влеченья омут,
безбашенный, как загул,
как пьянка без протрезвленья
и как *подкат* без тормозов,
как сладкий сон без пробужденья,
как плоти греховной зов...

Мы с вами едва знакомы,
а я уже, как арестант,
в тоски кандалы закован,
и ждёт меня долгий этап
сближения с той, что стала
моим наважденьем снов
в обличии стройного стана,
в мелодии песни без слов...

Мы с вами едва знакомы,
а мне уже словно впервой
чужды морали законы,
и мне всё равно, что чужой
женой вы слывёте де-факто,
а я соблазняю вас,
слагая стихи бестактно,
как записной ловелас...

Мы с вами едва знакомы,
а я на вас тайно молюсь,
как на святую икону,
молюсь, чтоб утихла грусть...
Она от того, что снова
мы с вами не вместе, а врозь...
Реальность наша сурова,
но не возбуждает злость
на обстоятельств условность...
Мы обстоятельства те,
как суеты бестолковость,
заставим служить мечте...

Пока же, как испытанье,
считаю тоскливые дни

до нашего с вами свиданья,
как дни эти стали длинны...
И где-то, как в таинствах комы,
вас вижу в объятьях своих...

Мы с вами едва знакомы,
но это вновь тянет на стих...

4

А ваше полное доверье
я заслужил, не знаю чем,
и вы в какое-то мгновенье
поведали мне тьму проблем.

Признались, что как бы в двух браках
вы состоите в эти дни,
в одном находитесь де-факто,
в другом де-юре искони.

Великолепна ваша честность
и предо мной, и пред собой,
и та лихая откровенность
души, и грешной, и шальной.

Тот, кто де-факто рядом с вами,
не больно вроде бы любим,
мне показалось,
но годами
интим вас связывает с ним.

Да, он вас любит, вероятно,
(как можно не любить вас, как?!)
и потому-то вы попятный
никак не сделаете шаг.

Хотя, что лучшего достойны,
со мной согласны вы вполне...
Досады давняя истома
как будто тут призналась мне,
что затянулся почему-то
ваш сей де-факто мезальянс,
но оборвать, пожалуй, трудно
всё, что с ним связывает вас.

Привыкли, да к тому ж спокойно,
наверно, за его спиной,

и слишком сложно вам сегодня
шагнуть во флирт очередной.

Тот, кто де-юре, мне неведом,
но, видно, с ним живёте вы,
как с замечательным соседом,
хоть это грустно всё, увы.

Я вам сочувствую. Но надо ль
оно вам? Вряд ли. Вы вполне
справляетесь со всем, что рядом,
как амазонка на коне.

Вы, видно, сильная натура
и очень стойкая душа,
коль жизни сложная фактура
для вас мила и хороша.

Вы привлекли моё вниманье
сперва, конечно, красотой,
и мысли о романе с вами
мгновенно завладели мной,
как ваших глаз янтарь бездонный
и лебединой шеи клон,
и облик весь, как лик Мадонны,
как свет, идущий от икон.

Каре подчёркивало чётко
от шеи линию вдоль плеч,
и этот абрис утончённый
мгновенно смог меня увлечь
в разгул фантазии пикантной,
как в гипнотический сеанс,
где раздевал неделикатно
мой взгляд, растерянную, вас...

Вы, улучив момент удобный,
когда ваш спутник увлечён
беседой с кем-то был,
проворно
мне свой черкнули телефон.

Я в вечер сей, весьма бездарный,
решил, внимая хмеля блажь,
что спутник ваш – приятель давний,
а вовсе не друг близкий ваш.

Сегодня же в *тусне* столицы
всё стало на свои места,

и мне бы надо удалиться,
но не даёт интриг мастак,
во мне живущий в каждом миге
и в каждом помысле, считай,
и он скучает по интриге,
шепча: «Давай, жуир, сыграй!..
Неужто ты не обыграешь
соперника, что рядом с ней?
Да обыграешь, сам же знаешь,
вон у тебя – тьма козырей...»

Заманчивы его призывы,
но, ярких рифм транжир и мот,
я лишь ищу в душе мотивы
стиха, что вас в свой плен возьмёт...

Жуиру ведь жуть как охота,
чтоб в нашем с вами визави
нас, как вино, пьянила нота
строки, рождённой от любви...

Конечно, для меня секс с вами —
как воплощение мечты,
где в опьяняющей нирване,
в распутном царстве наготы
два тела празднуют слиянье
движений, что рождает страсть,
как первородное деянье,
как вожделения напасть...

И оторвать глаза не в силах
от отраженья в зеркалах
двух тел, в соитии красивых,
с негромким стоном на устах,
что еле слышен у влюблённых,
когда объятия их тел,
безумной негой окрылённых,
блаженства празднуют предел...

Простите, секса описание —
мой пред эротикой восторг,
а вашим *гротом* обладанье —
суть самых ненаглядных строк,
где, как в зеркальном
отражении,
резвится похоть без стыда,
а в изошрённом тел движении
ликует секса красота,
и в красоте сей – гимн интиму,

где сам божественный интим
находит нас неотвратимо,
ибо, как рок, неотвратим...

5

Мне так за настырность свою неудобно,
как будто бы я, как последний дурак,
вообразивший себе сумасбродно,
что в плюс отношений его каждый шаг.

Простите невольную эту оплошность,
мне стыдно, что я, как бесчувственный фат,
явил тут бестактности неосторожность,
как будто бы чуткости давний талант
мне вдруг изменил...

Да, я тут виноватый,
но без умышленной, глупой вины,
вы попросту в мыслях моих, как диктатор,
мне разум затмили, как грешные сны...

Я вас представляю у детской кровати...
Хворь к дочке нежданно подкралась, как тать...
По будням общенья с дочуркою кратки,
так хоть в выходной её побаловать...

Наверное, ей вы читаете сказки,
так мама читала больному мне встарь,
и всё, чем сильна материнская ласка,
идёт на поправки здоровья алтарь.

Не знаю я, сколько дочурке годочков,
но кажется мне, что не больше пяти...
Она словно вашей души оболочка
и радость всего, что у вас впереди...

Наверное, ночью встаёте спросонок,
почувствовав вдруг, что заплакала дочь,
и нет горче чувств, когда плачет ребёнок,
а вы вновь бессильны малышке помочь...

Я это себе так всё ясно представил,
пред вами покаявшись, как на духу...
Я вижу себя нарушителем правил,
сменившим эмпатий шанс на чепуху...

Какой же он всё-таки бестолковый,
небось, вы подумали неспроста,
когда в энный раз ухажёр этот новый
подкатом своим вас немного достал...

Простите меня... Пред моими глазами
ваш взгляд утомлённый, в котором укор
за то, что собой и сейчас слишком занят,
забыл ваших перипетий перебор...

Хочу, чтоб поправилась ваша дочурка
и чтоб покой вновь светлел в ваших глазах,
тогда вот и встретиться было бы чудно
вам с тем, кто готов вас носить на руках...

6

Вы никак не даёте мне шанса
к вам приблизиться хоть на чуть-чуть...
Рядовым персонажем миманса
мне мою роль осталось тянуть.

Вся изнылась душа, истерзалась,
превратилась в негожий лоскут,
словно мне за словесную шалость
рока хлёсткий, безжалостный кнут
отхлестал мою душу за дерзость,
что посмела вас нагло желать...
Но как в этом желании пелось...
Словно это сама благодать
наполняла шальной песней душу
самым древним и сладким грехом,
а я песнь эту новую слушал
и записывал жадным стихом.

А теперь мне всего-то и надо
окунуться бы в ваши глаза,
лишь бы вы хоть на миг были рядом,
чтобы пересеклась бы стезя
моя с вашей стезёю чужою,
мне неведомой до сих пор,
но задевшей меня, как ожогом,
в коем я прочитал приговор,
обрекающий впредь мою душу
на скитанья в мечтаньях о вас,
мир мой прежний мгновенно разрушив,
утвердив надо мной свою власть.

Отступиться от вас нету мочи,
да я этого и не хочу...
Словно бы посреди мрака ночи
я зажжённую вижу свечу
и иду на огонь этот слабый,
на манящий вдали огонёк,
а идти не дают чьи-то лапы,
видно, их подсуропил злой рок,
чтоб надежды в душе не осталось,
как у запертого на краю
бездны то ли в фиаско, то ль в радость,
что меняет судьбу на корню
удалому любимцу Парнаса,
вдруг понявшему – он в западне...

Умоляю дать капельку шанса,
чтоб к вам малость приблизиться мне.

7

Вы меж *де-факто* и *де-юре*,
наверно, так утомлены,
что новенькие шуры-муры
вам, может, вовсе не нужны.

Или вы так любвеобильны,
что можете себе вполне
позволить флирт, пока невинный,
ещё один на стороне.

Что ж, стрелы моего амура
в вас вожделенья видят цель
и начинают шуры-муры,
презрев прелюдий канитель.

Амур мой многому обучен,
как говорится, зуб даю,
что будет вам со мной не скучно,
как в шторм бродяге-кораблю...

Но мой амур весьма нахальный,
он с места сразу мчит в карьер,
он фантазёр по части спален
и обожает адюльтер.

Так что решайте... Коль согласны
со мной пуститься в новый флирт,

тогда все стрелы не напрасны,
что мой амур для вас хранит.

А что касается *де-факто*,
мне просто пофиг этот факт,
меня он не колышет как-то,
как ваших связей давний пакт.

Мне ревность просто не знакома,
поскольку давнишний ходок,
я ревность молча запер дома,
на дверь повесивши замок.

Мне всё равно, с кем вам угодно
делить полуночный интим,
в своих желаньях вы свободны,
и я отнюдь не сторож им.

А та прискорбная привычка,
что свыше нам в быту дана,
однажды кончится, как спичка
или как рюмка, что до дна
уж выпита и вот пустая
стоит на прибранном столе,
привязанностью обрастая,
как уголь, тлеющий в золе...

К тому ж инерция привычки —
в добро укутанное зло
(добро тут надо взять в кавычки,
коль дело к истине пошло).

Вы по привычке длите эту
связь, что вас, кажется, томит...
Да бросьте эту эстафету,
советую как фаворит.

Да, в фавориты я зачислил
себя, о том вас не спросив,
увлѣкшись удалью речистой
и презирающей пассив...

Как хищник, я самоуверен,
во мне как будто дремлет барс,
за что по жизни в полной мере
вознаграждѣн бывал не раз.

Так что решайтесь... Я, не скрою,
свой *хои* надеждой тайной лыщу...

А не решитесь, так я скорбно,
немного, тихо погрузу...

И поклонюсь планиде в пояс
за встречу с вами, а потом
не начатую нами повесть
забуду как крутой *облом*...

8

*Ты чаруйницу поэму
превратила в жалкий бред.
Игорь Северянин*

Ваш *де-факто* через энского курьера
попросил мне передать, чтоб свой *кадрёж*
я оставил, а не то моя карьера
вся проблемами укутается сплошь.

Что смешна угроза, было мне понятно,
но сам просьбы факт, что от мужчины шёл,
от того, кто ваш любовник,
неприятно
поразил меня как пошлости прокол.

Я потом узнал, что вы об этом знали
и благословили *ход конём* его...
Мы закончили общенье на скандале,
в эсэмэсках написав чёрт-те чего...

Стало сразу и противно, и досадно...
Боже мой, я вмиг подумал: как же так,
вы, довольно долго пребывая рядом,
не увидели, с кем ваш побочный брак...

Вы же сами написали мне однажды,
что для вас и лёгкой пошлости налёт
неприемлем как заведомая лажа,
как дурного вкуса непристойный плод.

Неужели не заметили оплошность
шага вашего *де-факто* на сей раз,
в коем просто вопиёт такая пошлость,
от которой в дрожь должно бы бросить вас.

...Он, превью увидев, сразу догадался,
интригующий сей месседж от кого...

Вы, конечно же, сумели оправдаться,
чтобы сохранить вновь ваше статус-кво...

Неужели вы не видите, как низко
пал он в ваших изумительных глазах?..
И ужель его дальнейшая прописка
в вашем сердце не испепелится в прах?..

Он в себе так неуверен, без сомненья,
так боится потерять однажды вас,
что достоинства и чести унижение
он согласен выставлять всем напоказ.

Поговорка иногда – суть скрытой кары...
Кто, скажи, твой друг, и я скажу, кто ты...
Неужели вы, как сапога два – пара,
и вам в масть его плебейские черты?

Вы же сами согласились в одночасье,
что достойны много лучшего, чем он...
Иль привычка – суррогат земного счастья —
вновь сумела навязать вам свой резон?..

Если так, то горько мне днесь, как на тризне...
Вы совсем не та, что видел я в мечтах...
Перед кем же я метал метафор бисер,
и кого готов носить был на руках...

Да, конечно, заживёт и эта рана,
что нашёптывает вновь мне: «Не жалеи...»
Хорошо, что всё закончилось так рано
и легко, а позже – было б тяжелей...»

P.S.

Я вдруг узнал, что вы – чиновник,
и ранг довольно ваш высок...
А, может, этот ранг – виновник,
что флирта был недолог срок,
ибо чиновничье отличие
предполагает форс и спесь,
что постоянны, как привычка,
и неприятны, как болезнь.

Всё это в отзывах читалось
на те стихи, что я вам слал,
интриги будоража адрес,
пока не кончился запал,
увидев всю бесперспективность
завоеванья вас стихом,

иным деяньям не случилось
отметиться хоть пустяком...

С проворностью, весьма похвальной,
литературный критик в вас
проснулся, выдав мне банальный
суждений скромненьких запас.

Вам захотелось, видно, в роли
стихов большого знатока
предстать, да только вашей доле —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.